

К.А. Жулькова

**«ОН ВСПОМНИЛ ДОМИК В ПЕРЕУЛКЕ ПЕСТРОМ»:
ОБРАЗ ДОМА В ЛИРИКЕ В.В. НАБОКОВА**

*Воспоминание – это единственный рай,
из которого мы не можем быть изгнаны.*

Жан Поль

Аннотация. В лирике В.В. Набокова (Сирина) отражены авторские представления о доме как о сакральном пространстве, связанном с воспоминаниями о детстве, о покинутом городе, о потерянной родине, об ушедшей эпохе. Воспоминания о доме как о земном рае – важная часть поэтического мировоззрения Набокова. Для поэта дом – не только особняк на Большой Морской в Петербурге или фамильное имение, но и вся далекая Россия. Мысли о малой и большой родине отражаются в тревожных снах памяти, рисующих бесконечные возвращения «домой». В статье рассматриваются стихотворения Набокова, обращенные к России (подчеркивается преобладание двух дуальных мотивов: взаимопроникновения / отторжения и смерти / воскресения), а также условный тематический цикл «Петербург», включающий семь стихотворений, в которых доминантным топом становится родной город поэта-изгнанника. Амбивалентность в отношении к Петербургу проявляется в смешении чувств: восторженная любовь к городу прошлого и враждебность к его настоящему; ощущение его своим и вместе с тем чужим; боль утраты, скорбь по мертвому городу и мысли о нем как вечно живом; память о нем и забвение. Возвращение в город своего детства, «домой», для лирического героя равносильно чуду и ассоциативно соотносено с чудом воскресения. Неслучайно в стихотворениях с библейскими мотивами («На Голгофе», «Легенда о старухе, искавшей плотника» и др.) в метафорической форме передаются основные мировоззренческие ориентиры поэта, связанные с образом дома.

Ключевые слова: В.В. Набоков; лирика; образ дома; сон; память; возвращение; Россия; Петербург; библейские мотивы.

Получено: 15.05.2025

Принято к печати: 10.06.2025

Информация об авторе: Жулькова Карина Алеговна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва, Россия.

E-mail: karinazhulkova@rambler.ru

Для цитирования: Жулькова К.А. «Он вспомнил домик в переулке пестром»: образ дома в лирике В.В. Набокова // Литературоведческий журнал. 2025. № 3(69). С. 97–118.

DOI: 10.31249/litzhur/2025.69.07

Karina A. Zhul'kova

“HE REMEMBERED THE HOUSE IN A MOTTLED ALLEY”: IMAGE OF THE HOUSE IN THE LYRICS OF V.V. NABOKOV

*Recollection is the only paradise,
from which we cannot be banished.*

Jean Paul

Abstract. The lyrics of V.V. Nabokov (Sirin) reflect the author's ideas about home as a sacral space associated with the memories of his childhood, the abandoned city, the lost homeland, the bygone era. Memories of home as an earthly paradise are an important part of Nabokov's poetic worldview. For the poet home is not only the mansion on Bolshaya Morskaya in Saint Petersburg or the family manor, but all distant Russia. His thoughts about the small and large homeland appear in anxious dreams of memory, drawing endless returns “home”. The article examines Nabokov's poems addressed to Russia (the predominance of two dual motives: interpenetration / rejection and death / resurrection is emphasized), as well as the conventional thematic cycle “Petersburg”, that includes seven poems in which the dominant topos is the exiled poet's hometown. Ambivalence in the attitude to Petersburg is manifested in a mixture of feelings: enthusiastic love for the city of the past and hostility to its present; feeling it as one's own and at the same time as a foreign town; pain of loss, grief for the dead city and thoughts of it as eternally alive; memory of it and oblivion. For the lyrical hero, the return to his city of birth, “home”, is tantamount to a miracle and is associatively correlated with the miracle of resurrection. It is no coincidence that the poems with biblical motifs (“On Golgotha”, “The Legend of the Old Woman Looking for a Car-

penter”, etc.) metaphorically convey the poet’s basic worldview orientations associated with the image of home.

Keywords: V.V. Nabokov; lyrics; image of home; dream; memory; returns; Russia; Petersburg; biblical motifs.

Received: 15.05.2025

Accepted: 10.06.2025

Information about the author: *Karina A. Zhul'kova*, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Avenue, 51/21, 117418, Moscow, Russia.

E-mail: karinazhulkova@rambler.ru

For citation: Zhul'kova, K.A. “‘He remembered the house in a mottled alley’: Image of the House in the Lyrics of V.V. Nabokov”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(69), 2025, pp. 97–118. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2025.69.07

Дом – понятие, далеко выходящее за пределы пространственных координат. Оно лежит в плоскости (скорее даже – многомерности) культурных, национальных, общефилософских, индивидуально-личностных кодов человека. Для поэта-эмигранта В.В. Набокова пространственно-временные границы понятия «дом» оказываются в прямом соответствии с сохранившимися в воспоминаниях очертаниями счастливого детства, проведенного в родной стране.

В.В. Набоков родился в Санкт-Петербурге, на Большой Морской улице¹, 47. В мемуарной книге «Другие берега» (1954) он вспоминал: «...у нас был на Морской (№ 47) трехэтажный, розового гранита, особняк с цветистой полоской мозаики над верхними окнами... существует ли он теперь – не знаю. Я там родился...»² [7, с. 94]. Неслучайно Набоков называл этот дом единственным в мире: у писателя, равно признанного на двух континентах, дейст-

¹ В 1902 г., по случаю 50-летия со дня смерти Н.В. Гоголя, Малую Морскую улицу переименовали в улицу Гоголя, соответственно Большую Морскую изменили на просто Морскую, а в 1920 г. Морскую улицу стали именовать улицей Герцена (название Большая Морская вернулось только в 1993 г.). Новое имя в 1918 г. получил и Невский проспект, в который она впадала, он стал называться Проспектом 25-го Октября (прежнее имя к нему вернулось в 1944 г.). На переименования родных для него улиц Набоков иронично отреагировал в «Других берегах»: «...по Большой Морской по направлению к Невскому (ныне Проспекту какого-то октября, в который вливается удивленный Герцен)» [7, с. 40].

² Сейчас в этом доме расположен музей-квартира В.В. Набокова, где проводятся экскурсии, лекции, фестивали, выставки и мн. др.

вительно никогда не было больше своего дома. Вместе с семьей он покинул родину после революции, учился в Кембридже (1919–1922), потом гостил у родителей в Германии (1922–1937), перед войной переехал во Францию (1937–1940), которую тоже вынужденно покинул, перебравшись в Америку (1940–1959), последние годы провел в Швейцарии (1960–1977). И всегда жил в съемных квартирах, отелях, пансионатах. Дом на Морской, как и загородное имение, он так больше никогда и не увидел, но всю оставшуюся жизнь трепетно хранил в памяти. Мысли о доме как о сакральном пространстве, связанном с воспоминаниями о детстве, о покинутом городе, о потерянной родине, об ушедшей эпохе с особой остротой отразились в лирике Набокова (Сирина).

Безусловно, в прозе Набокова тема дома и бездомности также получила широкое развитие³. Однако именно в лирике она явлена во всей силе ностальгических переживаний, поскольку сущность воспоминаний и стихов тождественна. По замечанию И.А. Бродского, «воспоминание всегда почти элегия: ключ его <...> минорен, ибо тема его и повод к нему – утрата. Распространенность этого ключа, т.е. жанра элегии в изящной словесности, объясняется тем, что и воспоминание и стихотворение суть формы реорганизации времени: психологически и ритмически» [3, с. 24].

Психологическая и ритмическая реорганизация времени воплощается у Набокова в постоянных, преследующих как наваждение возвращениях «домой». «В далеком краю» мысли «о былом» заставляют вновь и вновь воссоздавать в памяти дорогу к родной усадьбе, когда «меж берез и рябин» открывается взгляду «зеленеющий дом», но при этом вновь и вновь задаваться вопросами о возможности / невозможности реального возвращения: «Кто откроет мне дверь? Кто заплачет в сених?» («Кто меня повезет / по ухабам домой», 1920) [10, с. 154].

Коротким, но самым притягательным для поэта-изгнанника словом «Домой» (1917–1922) названо одно из стихотворений, в котором очень по-набоковски сложное чувство подчеркивается вниманием к простым деталям. Небольшая, но трогательная зарисовка из детства: «ямщик / вожжою овода прогонит, / и – с Богом!» помчит «на мызу»⁴, а сердце лирического героя в нетерпеливом

³ См. об этом, напр.: [1, с. 91–98] и мн. др.

⁴ Одна из набоковских земель – Вырская мыза, она, как и Рождествено, принадлежала семье Рукавишниковых, родителям матери, с ними соседствовало

предвкушении захочет «взлететь и перегнать коней», – заканчивается звуками, доносящимися из прошлого, слезами и оптимистичным афористичным возгласом:

*Мои деревья, ветер мой,
и слезы чудные, и слово
непостижимое: домой! (курсив мой. – К. Ж.) [10, с. 165–166].*

Притяжательные местоимения усиливают эффект безраздельного обладания, слияния с до боли знакомыми, но оставленными местами.

О желанном возвращении – одном из многочисленных лирических и прозаических попыток дотянуться до родного дома – свидетельствует и напечатанное в газете «Руль» стихотворение «Билет» (1927), в котором лирический герой Набокова с мешающим волнением рассказывает о напечатанном для него на немецкой фабрике вожделенном билете на родину. Откликом на это стихотворение стала опубликованная в газете «Правда» отповедь Демьяна Бедного, чей фельетон назывался «Билет на тот свет» (1927) и содержал такие строфы:

С чего бы, а, у вас такие мысли?
Вас Чемберлен взбудрил иль Чжан Цзолин?
За рубежом советским кисли, кисли,
И вдруг в Москву! Домой! Прощай, Берлин!
<...>
Что ж? Вы вольны в Берлине «фантазирен»,
Но, чтоб разжать советские тиски,
Вам – и тебе, поэтик бедный, Сирин! –
Придется ждать до гробовой доски! [5, с. 198]

Особенное внимание обращает на себя строка: «И вдруг в Москву! Домой! Прощай, Берлин!». Демьян Бедный, несомненно, ошибся: в Москву автор «Билета» точно не собирался. Ни одного стихотворения о Москве у Набокова предсказуемо не было, и быть не могло, так как никогда он Москву не посещал, считал про-

винцией⁵ и как город желанного возвращения не рассматривал. Все набоковские сновидческие посещения родины – это возвращения в Петербург, причем Петербург фантомный, – оставшийся в памяти город детства. Случайно ли Демьян Бедный употребил это одиночное (набоковское) восклицание: «Домой!»? Думается, нет. Вероятно, он был знаком со стихотворением, процитированным выше, и использовал его как болезненный укол.

Возникает вопрос: а был ли в свою очередь Набоков знаком с сатирическим откликом на свой «Билет» Демьяна Бедного?

Если согласиться с А.В. Марковым, утверждающим, что на современном этапе развития набоковедения ознакомленность Набокова с памфлетом Бедного не вызывает сомнений [5, с. 198]⁶, то можно рассматривать написанное в 1927 г. и напечатанное в том же «Руле» в 1928 г. набоковское стихотворение «Расстрел» («Бывают ночи: только лягу...») как реакцию на слова советского пропагандиста.

«Расстрел» подобно «Билету» связан с именем любимого Набоковым Н.С. Гумилёва. Но если в «Билете» Набоков исполняет оптимистичную вариацию гумилёвского «Рабочего» (1916) (у Гумилёва рабочий отливает пулю, которая должна впоследствии вонзиться в грудь поэта, у Набокова такой же равнодушный приказчик немецкой фабрики выдает поэту билет на родину), то в «Расстреле», не прерывая ностальгическую ноту, поэт акцентирует тему смерти, соединяя все три мотива: возвращения на родину, пули и гробовой доски – как эквивалентные, взаимозависимые, равно главную тему предопределяющие. Лирический герой Набокова даже во сне осознает гибельность своей попытки вернуться:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать [10, с. 186].

⁵ См. в «Других берегах»: «...с москвичами и другими русскими провинциалами» [7, с. 24]; гораздо позднее, незадолго до смерти в беседе с Б. Ахмадулиной, возможно из вежливости, он признавался, что «имя и образ» Москвы его волнуют [12, с. 161].

⁶ Исследователь приводит доказательства связи памфлета Д. Бедного и рассказа Набокова «Посещение музея» (1956).

Что ждет поэта в России? Ответ Набокова однозначен. Проецируя на себя судьбу Гумилёва, расстрелянного в 1921 г.⁷, Набоков совмещает два плана: сна и реальности, один проступает через другой, делая кажущееся зримым, ужасающе явственным. Обрывается проекция парадоксальным скрещением противоречивых чувств: ощущения защищенности в благополучном изгнании и желания того, чтобы страшный сон оказался былью:

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг [10, с. 186].

Гораздо позднее, через полвека, при подготовке последнего стихотворного сборника Набоков посчитал нужным снабдить финал «Расстрела» комментарием, обращенным к будто бы неверно толкующим его стихи «фрейдистам» и «марксистам», уверяя их в том, что «возглас» в последней строфе «чисто риторический, стилистический прием» [9, с. 319]. Однако, как справедливо замечает И. Сурат, «мифические фрейдисты и марксисты – только повод, чтобы зрелому Набокову несколько отстраниться от красоты этой строфы, объяснив ее с точки зрения поэтической структуры» [15, с. 171].

Более соответствующим автору «холодного блеска» оказывается стихотворение «К кн. С.М. Качурину» (1947). Оно значительно отстоит по времени написания от «Билета», «Расстрела», «Домой» и таких стихов, как «Беженцы» (1921), «Лыжный прыжок» (1925), «Сны» (1926), «Для странствия ночного мне не надо...» (1929), нервом которых также является чудесное возвращение на родину, однако и в нем получает развитие та же магистральная тема. Аллюзии на собственные стихи представляются важными с точки зрения сохранности побудительного механизма лирических возвращений⁸.

⁷ Набоков часто выражал восхищение Гумилёвым, принявшим смерть бесстрашно, достойно, «как муза учила», «смеясь и мигая» (напр., «Памяти Гумилёва» (1923), одноименное с анализируемым стихотворение «Расстрел» («Небритый, смеющийся, бледный...», 1927)).

⁸ Литературные попытки вернуться домой были предприняты и в прозе. Например, возвращаются на родину и герой романа «Подвиг» (1932) Мартын

В дружеском послании Качурину описан приезд в Ленинград. Все давно изменилось до неузнаваемости. Чужим стал город на Неве. Многое произошло за тридцать лет и в жизни лирического героя (воображаемого двойника поэта). Однако, когда бережно сохранившиеся, но «заглушенные очертания» вдруг появляются «так близко» от его «души, / она, вздохнув, остановилась, / как поезд в полевой тиши». И снова, как в стихотворениях прошлых лет (например, в «Снах»), со всеми подробностями память рисует дорогу к усадьбе, словами «Других берегов», родную, «как собственное кровообращение»⁹: «в шестидесяти девяти / верстах от города» станция, «и дальше: фартук тарантасный /в дрожащих ручейках, и все / подробности берез, и красный / амбар налево от шоссе»... Целая череда незначительных, но значимых для лирического героя мелочей обрывается ироничным вопросом:

Но как я сяду в поезд дачный
в таком пальто, в таких очках
(и, в сущности, совсем прозрачный,
с романом Сирина в руках)? [10, с. 218]

Конечно, джентльмен в «таком пальто» и в «таких очках», переодетый в американского священника, да еще и читающий поэта-эмигранта Сирина, бесконечно далек от мальчика, засыпающего в далеком «дворянском гнезде» начала XX в. со «Всадником без головы» в руках, «с лицом, сухим от акварели, / с пером вороньим в волосах». Однако ироничность вопроса, игра с собственным (своим) именем нисколько не уничтожают, а, напротив, обнажают дремавшую до времени трепетность желанного «домой»:

Мне хочется домой. Довольно.
Качурин, можно мне домой? [10, с. 219]

Ответ на этот, казалось бы, риторический вопрос заложен автором в многоуровневой игре смыслов, скрытых и явных. «Всадник без головы» эксплицитно связан с детскими мечтами о

Эдельвейс, и герой романа «Look at the Harlequins!» («Посмотри на арлекинов!», 1974) Вадим Вадимыч Н. О таком возвращении, «с подложным паспортом, под фамилией Никербокер» размышляет Набоков в «Других берегах» [7, с. 257].

⁹ См.: [7, с. 30].

приключениях, навеянных американским романом Майн Рида¹⁰, имплицитно – с Медным всадником как символом Петербурга (может быть, «без головы» – обезглавленный Петербург – Ленинград?)¹¹ и с пушкинским «Медным Всадником». Ассоциативная цепочка ведет в город, которого нет. Бесконечность пути домой определяется постоянным смещением фокуса с реального на мнимое: главным побудителем путешествия является несуществующий адресат дружеского послания¹²; двойники автора разных возрастов и национальностей, а то и вовсе бесплотные, призрачные («прозрачный») заставляют усомниться в лице, спрятанном под маской лирического героя; «реальными», таким образом, оказываются лишь воображаемая дорога к дому и детские грезы. Двойное дно обнаруживается и у самого вопроса. Куда собирается вернуться находящийся в городе на Неве лирический герой? В Америку, в имение своего детства, в само детство?

¹⁰ Однако даже в явной отсылке к приключенческому роману для Набокова особенно важен «завиток сложной фабулы», когда «двое друзей обмениваются одеждами, шляпами, конями, и злодей ошибается жертвой» [7, с. 214]; этот «завиток» становится еще одним зеркалом в анфиладе набоковских зеркал, уводящих в бесконечность узнаваемого, но неузнанного.

¹¹ Этого города для Набокова не существует. Неслучайно на каламбуре он строит стихотворение «Ленинград» (1924): «Великие, порою, / бывают перемены... / Но, пламенные мужи, / что значит этот сон? / Был Петроград – он хуже, / чем Петербург, – не скрою, – / но не походит он – / как ни верти – на Трои: / зачем же вслед Елены – / так ласково к тому же – / он вами окрещен?» [10, с. 281], а позже в своем третьем романе «Защита Лужина» (1929) очень точно воспроизводит свое категорическое нежелание узнавать в Ленинграде преемника Петербурга в диалоге с главными героями приехавшей из Советской России дамы: на протяжении всего разговора приезжая именует город Ленинградом, а Лужины настойчиво величают Петербургом.

¹² Несмотря на то что публикацию «К кн. С.М. Качурину» в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1947) Набоков снабдил подробной библиографической сноской: «Строка 1: Качурин, Стефан Мстиславович. Мой бедный друг, бывший полковник Белой Армии, умерший несколько лет тому назад в монастыре на Аляске.<...> Его дочь вышла замуж за композитора Торнитсена», а свое выступление на авторском вечере (7 мая 1949 г.) предварил подобным биографическим пояснением: «...посвящено моему большому приятелю, известному автомобильному гонщику, князю Сергею Михайловичу Качурину» [12, с. 137], – очевидно, что это часть литературной игры и адресат (обратим внимание на имя, отчество и представленные факты) – лицо вымышленное (см. например, комментарии Г. Глушанок [12, с. 142]. Догадки о происхождении фамилии Качурин у Набокова см.: [13].

Биограф Набокова Б. Бойд, попавшийся на крючок литературной манипуляции Набокова, полагает, что «поэт <...> хочет домой, *домой*, в дику Америку, о которой мечтал еще мальчиком» (курсив автора) [2, с. 139]. Кажется, поддерживающим такую точку зрения можно было бы считать фрагмент «Других берегов», совсем, правда, не о воображаемом приезде в Ленинград, а о другом перемещении во времени, когда двойник автора попадает в «стереоскопическую феерию», в прошлое, на ту самую дорогу в Вырское имение, в то время, когда по ней впервые катит вызванная к маленькому Владимиру *Mademoisell*; автор жалеет своего двойника, который стоит «на страшном русском снегу» «в американском пальто на викуньевом меху» (быть может, в том самом «*таком*» пальто из «Качурина») (курсив мой. – К. Ж.) и хочет «домой – за спасительный океан!» [7, с. 107]. Однако, и это очень важно, «двойник медлит» [там же], как и замечтавшийся в «Качурине» герой, который свой вопрос «можно мне домой?» поясняет:

В пампасы молодости вольной,
в техасы, найденные мной [10, с. 219].

Так, игра в индейцев включается в литературную игру автора, сон героя «на камнях» вписывается в сон-странствие поэта. Очевидно, что в слове «домой» концентрируется прежняя «непостижимая» сила, влекущая в собственное русское детство.

Все это перекликается со словами, высказанными Набковым в интервью Питеру Дювалю-Смиту (1962) о том, что «в интеллектуальном смысле» он чувствует себя «в Америке как дома», «это второй дом в полном смысле слова». Но «*как дома*» и «*второй дом*» (курсив мой. – К. Ж.) – существенны поправки в определении своего места в мире, и потому на вопрос: «Вернетесь ли вы когда-нибудь в Россию?» – писатель, отвечая коротко: «Я никогда не вернусь»¹³, – уточняет: «...по той простой причине, что вся

¹³ Безапелляционность ответа противоречит более позднему сомнению, выраженному в беседе с Б. Ахмадулиной, состоявшей за несколько месяцев до смерти Набокова. В эссе «Робкий путь к Набокову» поэтесса вспоминала: «Внезапно – для обомлевших нас, выдыхом пожизненной тайны легких, Набоков беззащитно, почти искательно (или мы так услышали?) проговорил: “Может быть... мне не следовало уезжать из России? Или следовало вернуться?” Я ужаснулась: “Что Вы говорите?! Никто никогда бы не прочитал Ваших книг, потому что – Вы их не написали бы”» [12, с. 162].

Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство» [11, с. 21–22].

Дом детства, остающийся в глубинах памяти в неприкосновенности, словами стихотворения «Вечер на пустыре» (1932), «увеличенный памятью», гораздо «прочнее» и «краше вдвойне». В лирических текстах Набокова дом детства, разумеется, не особняк на Большой Морской или фамильное имение, но вся далекая Россия. В тревожных снах памяти помыслы о малой и большой родине сливаются.

В обращениях к родной стране преобладающими оказываются два дуальных мотива: взаимопроникновения / отторжения и смерти / воскресения. Образ России, завладевая душой и телом, становится сутью самоидентификации:

Так все тело – только образ твой,
и душа, как небо над Невой, –

а единое дыхание – основой творческого акта:

Воздух твой, вошедший в грудь мою,
я тебе стихами отдаю («К Родине», 1924) [10, с. 288].

Болезненность разрыва ощущается как кровоточащая рана, полученная при отсечении крыла:

Нет, не из сердца, вот отсюда,
где боль неукротима, вот –
крылом, окровавленной грудой,
обрубком костяным – встает («Родина», 1923) [10, с. 264], –

ассоциативно эти строки напоминают о крылатом псевдониме поэта (райской птице Сирин) и о древнегреческой крылатой Психее – богине души, самого дыхания.

Ностальгическое чувство не ослабевает с годами, в 1928 г. поэт вновь отождествляет себя со своей страной:

Мою ладонь географ строгий
разрисовал: тут все твои
большие, малые дороги,
а жилы – реки и ручьи («К России», 1928) [10, с. 344].

К последней строфе этого лирического послания автор усиливает эффект взаимопрорастания и растворения, сопрягая также два ведущих мотива: сон о собственной смерти в чужом краю приводит к мысли неминуемой гибели воплотившейся в нем страны:

...как на покато́й школьной парте,
совьешься ты подобно карте,
как только отпущу края,
и ляжешь там, где лягу я [10, с. 344].

Слияние с родиной прослеживается и в значительно более позднем, написанном в подражание Б.Л. Пастернаку стихотворении «Какое сделал я дурное дело» (1959)¹⁴, в котором традиционная тема предназначения поэта и поэзии, нерукотворного памятника, *exegi monumentum* раскрывается в соответствии с осознанием себя частью культуры покинутой страны:

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки [10, с. 227].

Второй мотив (смерти / воскресения) оказывается, пожалуй, еще более сильным. Первая и последняя строфа стихотворения «Панихида» (1920) начинаются одним и тем же рефреном:

Сколько могил,
сколько могил,
ты – жестока, Россия! [10, с. 234].

Однако поэту еще хочется быть услышанным страной, спасти, ее:

Слышишь ли, видишь ли? Мы с упованием,
сырые, верные, греем последним дыханьем
ноги твои ледяные... [10, с. 235].

¹⁴ Стихотворение было неадекватно оценено как современной поэту общественностью (например, Г. Струве), так и исследователями его творчества (например, М.Э. Маликовой), см. об этом: [16, с. 119–122].

В «России» (1922) две последние строфы начинаются фразой «Все это умерло». Ночь изгнания черна, «как совесть палача», «рай давно и срублен, и распродан», Русь «давно мертва», неясно, кому молиться, Христу или Немезиде? «Кого послушается бес», выжегший святые глаза России? «Кто скажет наконец лукавому: изыди»? Однако надежда на чудо еще теплится. Поэт заканчивает стихотворение риторическим обращением и восклицанием: «Родная, мертвая, я чаю воскресенья / и жизнь грядущую твою!» [10, с. 234].

Жажда воскресения, оживления звучит в заключительном аккорде уже цитируемого стихотворения «Родина» (1923), метафорически связывающего смерть страны с образом потерявшей крыло птицы, чей предсмертный клекот переходит в клекотание крови, в котором голос поэта и страны сливаются:

...мой клекот, клекотанье: Боже,
Ты, отдыхающий в раю,
на смертном, на проклятом ложе
тронь, воскреси – ее... мою!.. (курсив мой. – К. Ж.) [10, с. 264].

В написанном гораздо позже стихотворении «К России» (1939)¹⁵ нет уже прежнего взаимоотжествления: лирический герой и его страна максимально разобщены. Однако ностальгическое чувство не утихает, а напротив, достигает наивысшей точки. Навязчивый, беспощадно наплывающий сон уже не дает дышать:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих [10, с. 207].

Мортальные мотивы многократно усилены, смерть родины ощущается как собственная смерть:

...дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей! [10, с. 208]

¹⁵ Стихотворение «К России» (1939) написано в год смерти матери В.В. Набокова.

Обращает на себя внимание религиозная лексика и образность стихов о России. Религиозная и библейская семантика встречается в стихотворениях «Россия» («Не все ли равно мне, рабой ли, наемницей», 1919): *дьяконом, ектеньи, лик, песенных книг*; «России» («Не предаюсь пустому гневу», 1921): *молю*; «Родина» («Как весною мой север призывает...», 1921): *храма*; «Русь» («Пока в тумане странных дней», 1921): *кадильной, кресты, иконе, лик*; «Россия» («Плыви, бессонница, плыви, воспоминанье...», 1923): *рай, Христу, молиться*; «Родина» («Когда из родины звенит нам...», 1923): *молитвам, дух, Боже, в рай, воскреси*; «Родине» («Посвящается моей сестре Елене... “Воркующею теплотой шестая”», 1923): *Творца*; «Родина» («Бессмертное счастье наше...», 1927): *молитвы* и мн. др.

Наиболее частотны слова: *Бог, молитва, рай*. Интересно, что в одноименных стихотворениях на первый план в свою очередь выступает образ родной страны. Молитва со страстным «Воскреси!» посвящается русской речи: «Тебе, живой, тебе, моей прекрасной, / вся жизнь моя, огонь несметных свеч. <...> Так молится ремесленник ревнивый / и рыцарь твой, родная речь» («Молитва» (1924) [10, с. 292]. А рай рисуется как земной уголок со среднерусскими пейзажами, навсегда запечатленный памятью:

Я тоже изгнан был из рая
лесов родимых и полей,
но жизнь проходит, не стирая
картины в памяти моей («Рай», 1925) [10, с. 302].

Те же мотивы можно проследить в лирических текстах, доминантным топосом которых выступает родной город. Амбивалентность в отношении к Петербургу проявляется в смешении чувств: восторженная любовь к городу прошлого и враждебность к его настоящему; ощущение его своим и вместе с тем чужим; боль утраты, скорбь по мертвому городу и представление о нем как вечно живом; память о нем и забвение. Петербургские мотивы, конечно, можно наблюдать и в прозе.

Вслед за Пекка Тамми А.А. Долинин замечает, что в Петербурге проводят детские и юношеские годы почти все главные герои набоковских русских романов и рассказов – Ганин в «Машеньке», Лужин и его жена в «Защите Лужина», Смуров в «Соглядатае», Мартын Эдельвейс в «Подвиге», Федор Годунов-Чердын-

цев в «Даре», даже полунемец Герман в «Отчаянии» и др. Однако в прозе, по мнению исследователя, Петербург редко «становится локусом нарратива на первичном уровне», а чаще «функционирует как элемент вложенной нарративной реальности второго уровня: как предмет воспоминаний, снов, галлюцинаций, историй и рассказов в рассказе» [4, с. 350].

В стихотворениях же 1921–1924 гг., которые можно объединить в небольшой тематический цикл «Петербург» («Петербург» («Так вот он, прежний чародей...», 1921), «Петербург» («Он на трясине был построен...», 1922), «Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро...», 1923), «Петербург. Три сонета» («Единый путь – и множество дорог», 1924), «Санкт-Петербург» («Узорный иной...», 1923), «Санкт-Петербург» («Ко мне, туманная Леила!», 1924), «Ленинград» («Великие, порою, бывают перемены...», 1924), город выведен как локус нарратива первичного уровня, что закономерно, так как воспоминание, сон, галлюцинация легко и органично вписываются в форму лирического высказывания.

В первом же стихотворении («Петербург» («Так вот он, прежний чародей...», 1921)) намечены все важные составляющие для осмысления темы утраченного города. Петербург Набокова – это прежде всего город, любимый Пушкиным. Голос «ясноглазого» Пушкина он слышит и в «Петербурге» 1923 г. В обоих стихотворениях «Санкт-Петербург» тень Пушкина ложится на воспоминания о площадях и садах Северной Пальмиры.

В «Петербурге» (1921) лирический герой отправляется в странствие-сновидение по знакомым с детства местам. В «Других берегах» Набоков писал об особой важности в первые годы изгнания таких мысленных путешествий, когда они с матерью по памяти могли без труда обойти любимые места, позднее «Мнемозина начала плутать» [7, с. 148]. В мельчайших подробностях он воссоздает оставшиеся в памяти городские пейзажи. Маленькие зарисовки, «живые картинки» петербургского быта позволяют проникнуться атмосферой дореволюционного города: мерцание куполов в синем и молочном небе; лубочные вывески; жемчужный цветок фонаря; торчащий из будки на углу юмористический журнал; полустертый рог изобилия над лавкой. Однако, по мнению Д.А. Мухачёва, «Набоков-поэт просто перечисляет все, что помнится ему в Петербурге, не наделяя это специфическими, индивидуальными смыслами, которые и создают серьезную, оригинальную поэзию» [6, с. 180]. Не соглашаясь, но и не вступая в полемику

относительно принадлежности стихов Набокова «серьезной, оригинальной поэзии», тем не менее позволим себе оспорить утверждение об отсутствии специфических оригинальных смыслов в «Петербурге». Не говоря об особенностях Набокова, синестетика и эйдетика, видеть и воспроизводить с доходящей до телесности точностью раз выхваченные и уже незабываемые образы, заметим: разве не индивидуальна лирическая фотография арки на родной Морской?

Морская улица. Под аркой,
на красной внутренней стене
бочком торчат, как гриб на пне,
часы большие [10, с. 242].

Думается, что Д.А. Мухачёв ошибается и в определении эмоционального фона набоковских стихов о Петербурге, полагая, что в отличие от «современных Набокову авторов-авангардистов (например, Маяковского)», с их «демоническими, утрированно негативными настроениями, связанными с Петербургом»: «Петербург Набокова – светлый, спокойный, позитивный, благостный, в этом он схож с Петербургом акмеистов» [6, с. 180]. Противопоставляет исследователь Набокова не только авангардистам, но и писателям-классикам. Он полагает: «В общем, Петербург в ранних стихах Набокова – это ностальгия и ретроспективность, это солнце и свет (в противовес дождливому, заснеженному, угрюмому Петербургу, так часто фигурирующему в предшествующей Набокову русской литературе в диапазоне от “Медного всадника” до стихов Маяковского)» [6, с. 185].

Возразим. Если в начале стихотворения «Петербург» (1923) город и наполнен светом, то завершается оно воспоминанием о январском дне «пред самою дуэлью...» Пушкина – роковым событии в русской культуре; еще менее «светлым и спокойным» выглядит город в «Петербурге» (1922): воздвигнутый на трясине «под вопли нищих похорон» он дышит «смертной отравой»; «и тленом тянет воздух не родной» в «Петербурге» (1924).

Вернемся к «Петербургу» (1921): в нем только город детства полон радости и весны. Совершенно иным предстает революционный Петроград – томимый голодом «падший властелин»: его дома скопились, почернели, в «жалобной тоске» они смотрят друг на друга «глазами, полными испуга».

Более того, для лирического героя город умер. Поэт отказывается от рифмы, подчеркивая ужас потери, имитирует сбивчивость речи от переполняющих болью утраты чувств:

Повсюду выросла и сгнила
трава. Средь улицы пустой
зияет яма, как могила;
в могиле этой – Петербург... [10, с. 240]

Нигде прежде (в том числе в главе «Четыре “Петербург” и один “Ленинград”») монографии «Между Моцартом и Сальери» О.И. Федотова или в упомянутой выше статье с аналитическим разбором этого стихотворения Д.А. Мухачёва) не отмечалась важная, по нашему мнению, особенность построения произведения. Интересно заметить, что его вторая часть связана с пасхальным календарем. Библейская ситуация имплицитно вписана в пространство текста. Неявно, однако вполне читаемо автор вводит в текст слова-символы весенне-пасхального цикла. В ассонансе «Повеет Вербой» автор будто воспроизводит дуновение весеннего ветра. Обращает на себя внимание прописная буква слова «Верба»¹⁶, как указание на предшествующее пасхальной неделе воскресение. Думается, структурообразующим элементом становится и упоминание о смерти:

когда на площади дворцовой,
махая тряпкою пунцовой,
вприсядку лихо смерть пошла! [10, с. 243] –

и упоминание об обезумевшем народе: «Пьянел неистовый народ». И, конечно, слова о воскресении города. Возможно ли оно? К сожалению, ответ неоднозначный:

воскреснет вновь, все будет в нем
прекрасно, радостно и ново, –
а только прежнего, *родного*,
мы никогда уж не найдем... [10, с. 244]

¹⁶ В такой орфографии оно напечатано в газете «Руль» (Берлин) от 17 июля 1921.

Этот ответ вполне согласуется со сказанными Набоковым в разных интервью словами о бессмысленности возвращения, ибо все по-настоящему родное продолжает жить в его душе. «Найти точное соответствие» своим воспоминаниям все равно не удастся: «Так зачем же берeditь себе душу безнадежными приближениями?» [11, с. 45].

О другом главном религиозном празднике напоминает стихотворение «Петербург» (1923), о чем заявлено в первой же строке: «Мне чудится в Рождественское утро...»). Не случаен и эпитет «девственный», примененный к городу, этот высокий обертон одновременно связан с чистотой снежного покрова и с чудом Рождения Христа.

В стихотворении «Петербург. Три сонета» («Единый путь – и множество дорог», 1924), построенном на противоречивых чувствах памяти и забвения, ощущения города своим («мой город, мой Нарцисс...») и чужим («и тленом тянет воздух *не родной*») (курсив мой. – К. Ж.), также звучит религиозная тема, упование на Бога и надежда на воскресение:

и стон один: когда же?..
Чту город мой? Я забываю даже
названья улиц... Тонет. Изнемог.
Безлюдие. Остались только Бог,
рябь под мостом да музы в Эрмитаже...

...О чем мне шепчет Бог?
Мы странствуем – а дух стоит на страже;
единый путь – и множество дорог;
тьма горестей – и стон один: когда же? [10, с. 284–286]

Таким образом, путешествие-сновидение к родному дому протекает, словами «Других берегов», «вне дьявольского времени, но очень даже внутри божественного пространства» [7, с. 252].

Понятным становится главенствующее место, которое занимает образ дома в описание Божьего рая. В стихотворении «И в Божий рай пришедшие с земли...» (1923) поющие, летающие, качающиеся на качелях серафимы создают кольцевую композицию, в центре которой – «совсем обыкновенный дом»:

А в доме спят, —
в большом, совсем обыкновенном доме,
где Бог живет, где солнечная лень
лежит на всем; и пахнет в этом доме,
как, знаешь ли, на даче, — в первый день... [10, с. 265]

Так, земной дом, узнаваемый по всем родным приметам, с его особенным светом, запахом и ощущением покоя (неслучайно в доме спят, как и в доме из стихотворения «Для странствия ночного мне не надо», что является свидетельством абсолютного блаженства и умиротворения) оказывается не только композиционным, но и идеологическим центром, точкой слияния земного с небесным. Он органично вписывается в Божий рай, становясь его частью. Таким образом, повседневное смешивается с высоким, образуя единое сакральное пространство. Представление о доме как о земном рае — важная часть поэтического мировоззрения Набокова.

И еще одно наблюдение. Как стихотворения о доме связаны с религиозной темой, так и стихотворения с религиозными, библейскими мотивами (например, «На Голгофе» (1921), «Легенда о старухе, искавшей плотника» (1922), «Когда я по лестнице алмазной» (1923), «Мать» (1925)) в метафорической форме передают основные мировоззренческие ориентиры поэта, развивая и углубляя совокупный образ родной земли, родного дома, далекого детства.

В «Когда я по лестнице алмазной» строгий апостол Петр, стоящий на страже райской обители, остановит, но непременно отопрет врата рая, пропустив поэта, в чьем узелке «два-три заката, женское имя / и темная горсточка земли родной...». В «Легенде о старухе, искавшей плотника» действие произойдет в Назарете, где старуха, чей дом совсем развалился, отправится за помощью к плотнику, но не застав его дома, вернется, обнаружив свой домик обновленным. Станет понятно, что плотник — это Иосиф, его жена — Мария, а чудо, которое произошло на Вифлеем, — Рождение Христа. Три дома — три символа: старый — запустение, покинутый — изгнанничество, новый — воскрешение, подчеркнутое к тому же значимым сравнением, «белый, как яйцо», также ассоциированным с Пасхой. В стихотворении «Мать» кульминацией материнской скорби о распятом Христе станет воспоминание о детстве Сына. В свернутой до одной строки неканонической истории о ребенке Христе («Евангелие от Фомы»), который, нарушив запрет

Субботы, слепил из глины птиц, а при упреке Иосифа хлопнул в ладоши, чтобы они, ожив, разлетелись, – отразится горе матери в его наивысшей точке:

Мария, что тебе до бреда рыбарей!
Неосвязаемо над горестью твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда не вспрянет он на зов,
твой смуглый первенец, лепивший воробьев
на солнцепеке, в Назарете [10, с. 197].

В «На Голгофе» образ дома окажется самым сокровенным воспоминанием. Последний миг пред восхождением к Отцу небесному будет осенен мыслями о доме земном, когда весь мир и вся жизнь приобретут очертания маленького домика в «переулке пестром», где прошло детство:

...Провидеть ей дано,
что в горький час ее земному сыну
всего живей вспомнилось одно...
Да, – с умилением сладостным и острым
(колени сжав, лицо склонив во мглу...),
он вспомнил домик в переулке пестром,
и голубей, и стружки на полу [10, с. 164].

Таким образом, стихотворения с библейской тематикой в метафорической форме передают основные представления поэта о доме как о сакральном пространстве. Словами Я.В. Погребной, в поэтическом мире Набокова «дверь, открываемая в рай и вечность, оказывается дверью родного дома» [14, с. 67]. Развивая метафору, позволим себе заметить, что все лирические попытки оставить эту дверь полуоткрытой свидетельствуют о центральном месте, которое занимает дом в мифопоэтической системе Набокова.

Список литературы

1. Бабиков А. Образ дома-времени в произведениях В.В. Набокова // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Таллинн, 2000. С. 91–98.

2. Бойд В. Владимир Набоков: американские годы [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/bio/bojd-amerikanskije-gody/nakonec-to-prepodavanie.htm> (дата обращения: 24.05.2025).
3. Бродский И.А. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» // Звезда. 1997. № 1. С. 21–26.
4. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
5. Марков А.В. Был ли Набоков знаком с памфлетом на него Демьяна Бедного? // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 2. С. 195–200.
6. Мухачёв Д.А. Петербург в ранней поэзии Набокова // Филология и человек. 2012. № 2. С. 178–186.
7. Набоков В.В. Другие берега. М.: Издательство АСТ: CORPUS. 2024. 320 с.
8. Набоков В.В. К кн. С.М. Качурины // Новый журнал. 1947. № 15. С. 81–83.
9. Набоков В.В. Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. 320 с.
10. Набоков В.В. Стихотворения / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. М.Э. Маликовой. («Новая Библиотека поэта»). СПб.: Академический проект, 2002. 674 с.
11. Набоков В.В. Строгие суждения. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.
12. В.В. Набоков: Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: антология: [в 2 т.] Том 2 / сост. Б.В. Аверин. СПб.: РХГИ, 2001. 1064 с. (Русский путь).
13. Найман Э. Извращения в «Пнине» (Набоков наоборот) [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/najman-izvrascheniya-v-pnine/glava-1.htm> (дата обращения: 24.05.2025).
14. Погребная Я.В. «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...». Лирика В.В. Набокова. М.: Флинта, 2011. 247 с.
15. Сурат И.З. Расстрел // Новый мир. 2018. № 6(1118). С. 162–179.
16. Федотов О.И. Между Моцартом и Сальери (о поэтическом даре Набокова). М.: Флинта, 2014. 400 с.

References

1. Babikov, A. “Obraz doma-vremeni v proizvedeniyah V.V. Nabokova” [“The Image of the House-time in the Works of V.V. Nabokov”]. *Kul'tura russkoi diaspor: Vladimir Nabokov – 100 [Culture of the Russian Diaspora: Vladimir Nabokov – 100]*. Tallinn, 2000, pp. 91–98. (In Russ.)
2. Boid, B. *Vladimir Nabokov: amerikanskije gody [Vladimir Nabokov: American Years]*. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/bio/bojd-amerikanskije-gody/nakonec-to-prepodavanie.htm> (date of access: 24.05.2025). (In Russ.)

3. Brodskii, I.A. "S mirom derzhavnym ya byl lish' rebyacheski svyazan..." ["I was only childishly connected with the world of power..."]. *Zvezda*, no. 1, 1997, pp. 21–26. (In Russ.)
4. Dolinin, A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [*The True Life of the Writer Sirin: Works on Nabokov*]. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 400 p. (In Russ.)
5. Markov, A.V. "Byl li znakom Nabokov s pamfletom na nego Dem'yana Bednogo?" ["Was Nabokov Familiar with Demyan Bedny's Pamphlet on Him?"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, vol. 28, issue 2, 2018, pp. 195–200. (In Russ.)
6. Muhachev, D.A. "Peterburg v rannei poehzii Nabokova" ["Petersburg in Nabokov's Early Poetry"]. *Filologiya i chelovek*, no. 2, 2012, pp. 178–186. (In Russ.)
7. Nabokov, V.V. *Drugie berega* [*Other Shores*]. Moscow, Izdatel'stvo AST, CORPUS Publ., 2024, 320 p. (In Russ.)
8. Nabokov, V.V. "K kn. S.M. Kachurinu" ["To Prince S.M. Kachurin"]. *Novyi zhurnal*, no. 15, 1947, pp. 81–83. (In Russ.)
9. Nabokov, V.V. *Stikhi* [*Poetry*]. Ann Arbor, Ardis, 1979, 320 p. (In Russ.)
10. Nabokov, V.V. *Stikhotvoreniya* [*Poetry*]. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002, 674 p. (In Russ.)
11. Nabokov, V.V. *Strogie suzhdeniya* [*Strict Judgments*]. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2018, 416 p. (In Russ.)
12. *V.V. Nabokov: Pro et contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V.V. Nabokova* [*Materials about Life and Work of V.V. Nabokov*]: [in 2 vols]. Vol. 2, comp. B.A. Averin. St Petersburg, RHGI Publ., 2001, 1064 p. (Russkii put'). (In Russ.)
13. Naiman, E. "Izvrashcheniya v Pnine (Nabokov naoborot)" ["Perversions in Pnin (Nabokov in Reverse)"]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/najman-izvrashcheniya-v-pnine/glava-1.htm> (date of access: 24.05.2025). (In Russ.)
14. Pogrebnaya, Ya. V. "Plot' poehzii i prizrak prozrachnoi prozy..." [*The flesh of poetry and the ghost of transparent prose...*]. *V.V. Nabokov' Lyrics*. Moscow, Flinta Publ., 2011, 248 p. (In Russ.)
15. Surat, I.Z. "Rasstrel" ["Execution"]. *Novyi mir*, no. 6(1118), 2018, pp. 162–179. (In Russ.)
16. Fedotov, O.I. *Mezhdru Motsartom i Sal'eri (o poehticheskom dare Nabokova)* [*Between Mozart and Salieri (about Nabokov's Poetic Gift)*]. Moscow, Flinta Publ., 2014, 400 p. (In Russ.)